

Ирен Штайн

НЕВИНОВНЫЙ

16+

Ирен Штайн Невиновный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59806608

SelfPub; 2020

Аннотация

Обычный офисный клерк становится свидетелем преступления, которое хотел и боялся совершить всю жизнь. Возможно ли уйти от правосудия, если оно засело в собственной голове?

Октябрь выдался холодным. Помнится, пару дней назад я слушал чертов прогноз погоды, где девица с голливудской улыбкой обещала возвращение лета и советовала не раздумывая брать отпуска. Море, солнце, бархатный сезон... Метеорологи хуже политиков – наверное, и сами не чувствуют момент, когда окончательно заврались.

Уснуть не получалось. Спать сидя, опершись на стену с зеленой облупившейся краской, я не привык, а разлечься на бетонном полу было и того хуже – после вчерашней ночевки в таком же подъезде, провонявшем кошачьей мочой и сигаретным дымом, кости ломило так, будто меня основательно избили. На улице, как назло, разрывалась сигнализация и где-то хлопала расшатанная форточка. Я завидовал жильцам этой сонной хрущевки, да даже типу, чья машина сейчас будила весь двор – он-то спит в теплой постели, не думая, что минутой позже в дверь раздастся звонок и на его запястьях защелкнутся стальные браслеты.

Домофон где-то внизу издал тревожный писк, и хлопнула входная дверь. Я вскочил, точнее, не без труда поднялся на ноги. Странное состояние – меньше всего хотелось вставать и бежать, но и сидеть на этом грязном полу тоже казалось нестерпимым. Но, если позволить им поймать себя, будет хуже. Куда хуже. Отчего-то вспомнились фильмы вроде «Девятой роты», которые к памятным датам часто крутили по ТВ. Солдаты, подрывающие гранатой и себя, и противника, не из тупого героизма фанатиков. Потому что в плену будет

хуже, чем умереть сейчас, разбросав по деревьям собственные кишки. Парой этажей ниже дважды щелкнул замок. Затем хлопнула дверь – и тишина. Только не унимается проклятая форточка. Можно расслабиться... Хотя – попробуй расслабься, когда под легкую куртку пробирается неведомо откуда взявшийся сквозняк и все мышцы каменеют от холода...

Во сне я снова видел ее. Она бежала сквозь пожелтевшую траву, хохоча, и помпон на вязаной шапке смешно болтался туда-сюда в такт шагам. Все вокруг было какое-то чудное – не то густое, не то светлое. Слишком много солнца, лившегося на землю потоками. Не по-осеннему, неправильно. Скоро смех затихнет, солнце погаснет. И взамен появятся обшарпанные стены провонявшего котами подъезда.

– Вставай, алкашина! Вставай, ишь, разлегся!

Пинок по ребрам сразу привел в чувство. Еще до того, как я, щурясь от света, смог разглядеть силуэт грузной женщины, нависшей надо мной, последовал следующий пинок. Голова отказывалась соображать, чего от меня хотят, да и где я вообще, одеревеневшее тело пронзали тысячи иголок.

– Понажираются, как свиньи, ни стыда, ни совести! Иди домой, скотина, жена небось извелась!

Сестра все говорила, что пора жениться. Сколько себя помню, пластинка не менялась, особенно когда она сама выскочила замуж. Штамп в паспорте давал ей чуть ли не чув-

ство превосходства – мол, переплюнула старшего брата, обогнала таки, и теперь можно расслабиться, привести на свет потомство и вдвое раздаться вширь.

Острые капли дождя жалили лицо, как падающие с высоты осколки стекла. Кругом пестрели зонты и мелькали резиновые сапоги. Мерзкая погода была на руку – дождь убрал с улиц всех праздно шатающихся и глядящих по сторонам. Каждый прохожий сейчас думает только о том, как бы добраться до сухости и тепла, а не вспоминает лица со стенда «Их разыскивает...».

В животе заурчало, и спазмом свело желудок. Я вспомнил, что не ел со вчерашнего утра. Банковский служащий, загнувшийся от голода на ступеньках подъезда, как последний наркоман, будет выглядеть комично. На секунду стало действительно смешно. Все это – части дурацкой игры – и промокшая насквозь куртка, и ориентировки, вероятно, уже составленные оперативниками, и перспектива угодить за решетку до конца жизни, каким бы ни был приговор – выйти живым оттуда не получится. Квест для зажавшихся миллионеров, которым не хватает остроты в жизни. Хотя я не был миллионером и близко, и уж точно не относился к любителям влезть в дерьмо за собственные деньги, хотелось думать именно так.

Я хотел по привычке рассчитаться кредиткой в Макдональдсе, но вовремя остановился. Сделай я такую глупость, и можно было бы дальше не бежать, а попытаться успеть до-

пить кофе до приезда УАЗика. С наличкой было совсем не густо – никогда не имел привычки таскать полный кошелек, и теперь, проглотив чизбургер, показавшийся крошечным, и заглядывая на дно бумажного пакетика в надежде увидеть не замеченную картошку, я очень об этом жалел. Сейчас я бы мог съесть, наверное, половину бараньей туши, и эти жалкие крохи только раздражили аппетит. Но в зале было тепло и немногочленно, и дождь не мог достать до меня, наталкиваясь на преграду в виде стекла.

– Не реви, а ешь! Тетя даст тебе шарик, но когда ты докушаешь. И поживее – маме надо успеть по делам. – С моего углового столика я не видел обладательницу командного голоса, но заплаканное лицо девчушки лет шести было как раз передо мной. Конечно, слезы прекратились, стоило положить в рот куриный кусочек. Никаких манипуляций и истерик – только сосредоточенно-удовлетворенное жевание.

С рождением Верочки сестра завела другую шарманку – надо мол, и мне оставить после себя что-то на земле. «Или ты эгоист, Сережа, или у тебя проблемы с этим делом. Ты не стесняйся, скажи как есть, мы же семья, поможем». Интересно, как она собиралась мне помочь, окажись я на самом деле импотентом. Денег на врача у нее точно не было – даже одежду племяннице покупал я, после того, как увидел попрошайничество сестры в группе «Отдам даром». Зато был интерес порыться в грязном белье, позлорадствовать, изображая мать Терезу. Обскакала я тебя, братец, да было и

не сложно – ты ведь полное ничтожество. Чуть не рассмеялся тогда, ведь она, из неплохой девчонки превратившаяся в бесформенную бабу с отросшими корнями волос и в покрытом пятнами переднике, действительно так думала. И как бы подумала, знай она, что со мной на самом деле не так...

С опозданием я понял, что здесь определенно должны быть камеры. Да и было уже все равно. Внутри разливалась приятная слабость, а веки закрывали мир непроницаемым занавесом.

***

– Но, лошадка, но! – Коленки в белых колготках выныривали из-под джинсовой юбочки. Следом за «лошадкой» неслись две девчонки, похожие, будто близняшки. Или мне так казалось – я не замечал никого на свете, кроме бегущей впереди. Она не отрывалась от «наездниц» слишком далеко, и вскоре стало понятно, почему – тонкая леска, обернутая вокруг шеи, служила поводьями и уздай.

***

– Мама, тетя даст мне шарик? Хочу шарик, мама!

На моих глазах девочка начала бледнеть, будто стремительно теряла кровь. Моя рука обхватывала ее еще теплую шею, которая перестала пульсировать всего мгновение назад. Совсем чуть-чуть от жизни до смерти, до того момента, когда уже ничего не исправить. Остается только ловить уходящие секунды, ловить и наслаждаться ими, пока можно, выжать из них каждую каплю любви и нежности, на которые

только способна человеческая душа. Моя, ведь ее душа уже не здесь, не со мной, но в то же время еще близко, настолько, что ее присутствие можно ощутить. Постой же, подожди! Мои непослушные пальцы лихорадочно расстегивают пуговицы курточки...

Я потряс головой и крепко зажмурился, чтобы отогнать наваждение. Девочка, живая и невредимая, все так же канючила по поводу шарика, а ее мать делала вид, что оглохла. Нет, только не снова... Низ живота заныл, разливая по телу горячую волну.

«Я ничего не сделал. Ничего не сделал». – Наверное, я произнес это вслух и не раз – сидевший за соседним столиком студент теперь подозрительно косился на меня. Я перевел взгляд на свои руки, с трудом разжав побелевшие пальцы. Паника грозила поглотить с минуты на минуту, заставить бежать, наплевав на дождь и холод. А если кто-нибудь прочитал мои мысли? Это, наверное, не сложно – я был убежден, что они транслировались на лице, как на экране.

– Заказ номер двадцать пять! – Повторил истошный голос со стороны кассы, и из противоположного угла поднялась фигура в форме с надписью «полиция» на всю спину. Второго предупреждения не потребовалось.

Пулей я вылетел из зала, хватая ртом воздух вперемешку с каплями влаги. Сердце билось слишком отчаянно, слишком сильно. Мне было плевать, куда идти – лишь бы убраться подальше отсюда. Лужи хлопали под ногами, в левый ботинок

уже набралось порядночно воды. Я чуть не срывался на бег, врезаясь в прохожих и изредка слыша совсем рядом скрип тормозов и гневные гудки машин.

Зачем бежать, я ведь ничего не сделал? Я невиновен, черт меня дери! Невиновен, но кто в это поверит?.. В кармане звякнули ставшие ненужными ключи от квартиры – в моей просторной двушке наверняка засада. Шкафы, наверное, перевернуты вверх дном, матрасы изрезаны, а цветочные горшки перекопаны. Хотя, какой смысл, если для них все очевидно? Разве что поискать самые настоящие скелеты, чтобы получить возможность отчитаться о раскрытой серии. Да, Сережа, ты теперь серийный маньяк. Неожиданно, правда?

Языки костра лизали подошвы ботинок. Что будет, когда огонь истощится и погаснет? Мне посчастливилось стянуть со столба небольшой ковер, наверное, из прихожей квартиры с первого этажа. Почему хозяева оставили его висеть в такой дождь, оставалось только догадываться. Может, не вовремя уехали, может, поверили синоптикам – не важно. Теперь коврик, вылинявший и облезлый, почти полностью просох, а значит, получится пережить без последствий еще одну ночь на бетоне. Крышей мне служил арочный мост, и где-то внизу плескались сточные воды. Пахло сыростью и плесенью. И даже немножко морем. Райское местечко – вряд ли сюда когда-нибудь придет в голову сунуться хоть одному менту. Лишь бы бомжи не заглянули на огонек... Я истерически

рассмеялся, и смех гулко отразился от свода арки. Было в этом нечто сюрреалистичное – и в искаженных звуках, исходивших более не от меня, и во всей проклятой ситуации. Я сижу у костра из сломанных ящиков и картона, на украденном затасканном ковре, под мостом, опасаясь, что бомжи захватят мое место и еду – я приобрел полбатона, воды и упаковку сосисок, половина которой в мгновение ока оказалась съеденной. У костра. Под мостом. Жаль, эти замечательные люди не оставили «сушиться» под дождем еще и одеяло.

Телефон в кармане издал два коротких писка, сообщив о низком уровне заряда и заставив меня подпрыгнуть. Вот же осел, идиота кусок! Кредиткой, значит, не стал расплачиваться, при этом таская с собой маячок для всех спецслужб земного шара. Странно, что никто из этих самых спецслужб еще не додумался его отследить.

Вот фото с корпоратива – помнится, там я здорово набрался. Вот я на рыбалке, снимает мой условный приятель. Вот на вечернем пляже, тоже пахло морем. Вот с сестрой и ее семейством – не удалил, опасаясь, что эта клуша как-нибудь прознает. А вот и Верочка...

Я знал, что листаю снимки на тусклом экране не затем, чтобы вспомнить жизнь, которую потерял, а чтобы дойти до этого фото, будто бы случайно, ведь специально смотреть нельзя. Верочка улыбалась, кокетливо отводя в сторону подол платяца – и где научилась, ведь явно не у матери. Тоненькие губы приподняты в улыбке, глаза светятся, искрят-

ся. Всякий раз, когда я «случайно» наткнулся на фотографию, понимал, что эта поза, этот взгляд были адресованы фотографу, то есть мне. И от этого по телу пробегала дрожь.

Сестра хотела, чтобы я, наконец, увидел в детях счастье. Потому при каждом удобном случае поручала мне присмотреть за Верочкой, забрать ее из садика – все равно у меня есть... была машина. Сейчас я ненавижу ее за это, тогда же соглашался, даже если приходилось брать лишний отгул. Мне удастся привнести ребенку нечто хорошее, заложить в ней основы будущей личности, научить ее тому, что выше ума ограниченной курицы. Было много предложений. Я до последнего отрицал, что готов сидеть в сестриной однушке, давно не знавшей уборки, не из высших побуждений и альтруистических идей. А в основном ради тех моментов, когда Верочка взбиралась ко мне на колени, чтобы сидеть повыше за столом с разложенными кусочками пазла или цветными карандашами. Ради тех моментов, когда я мог чувствовать прижатое ко мне маленькое тельце, ощущать, как ее ручки обвивают мою шею в благодарность за очередной подарок, и как на моей щеке огнем загорается след от поцелуя. Я отрицал, что хочу впиться в эти губы, безнаказанно и беспрепятственно, отрицал и пришедшее вдруг понимание, что добиться такого можно лишь одним способом...

Где-то за скрипела ветка, заставив боязливо поежиться. Ветер своевольно разворачивал кроны акаций, почерневших от дождя, и казавшихся мертвецами, воздевшими руки к

небу. Спрашивается, зачем? Если о чем-то попросить, то бесполезно – там давно все оглохли. Или они глухи только к просьбам таких, как я. Если так, то небесные жители – редкие сволочи, иначе не скажешь. Создали дефективную подопытную крысу, и наблюдают, кому она раньше причинит вред – другим или себе. Я подбросил в огонь пару уже просохших веток из кучи неподалеку, и языки пламени вспыхнули сыто и довольны.

Телефон снова издал предупредительный писк – странно, что еще хватило заряда. Десять пропущенных от сестры. Я не слышал их, ведь с момента покупки средства связи не снимал его с беззвучного режима. Звонили мне крайне редко и в основном с работы, потому отвечать на эти звонки, будучи не в офисе, я не видел никакого смысла. Сестра, наверное, десять раз набрала мой номер в присутствии какого-нибудь опера, которому плевать на нее и все ясно со мной. Все предельно ясно, какая статья и срок, хоть он меня еще ни разу не видел. Ясно, что со мной сделают в камере в первую же ночь, и ему это кажется справедливым. Конечно, при наличии стольких свидетелей ему понятно, что приговор вынесут не в мою пользу. Но ведь они ничего не видели, кроме...

Тусклый экран погас, мигнув напоследок логотипом производителя. На секунду замешкавшись, я бросил ставшее бесполезным устройство в огонь. Плевать. Пусть горит синим, точнее, зеленоватым пламенем, вместе с моей прошлой жизнью и фотографией Верочки в белом платице... Как у

невесты. Болезненная, жестокая ирония, от которой челюсти сводило до скрипа зубов.

Ветер принес отдаленный собачий лай. Шороха колес с моста уже давно не доносилось – жизнь в этом Богом забытом месте окончательно прервалась. Не считая, конечно, меня и той собаки, что выла теперь, словно над покойником. Глаза слипались от нового за последние несколько дней ощущения тепла и сытости. Я хотел видеть сны и боялся одновременно. Пробуждение не прогонит кошмар, а станет им. Так странно! Но, наверное, рано или поздно это должно было произойти. У таких, как я, не бывает хеппиэндов.

***

– Но, лошадка, но!

Девочка в джинсовой юбочке устала. Ее больше не привлекала игра, и она остановилась перевести дух или предложить другую. Подружки, увы, не отличались фантазией – им хотелось продолжать бег сквозь пожухлую траву, чтобы ветер свистел в ушах, а грудь наполнялась терпким осенним воздухом, будто парус. Но лошадка остановилась, не имея сил сдвинуться с места. «Загнанных коней пристреливают» – мелькнула тогда мысль в моей голове, и я улыбнулся ее абсурдности, несмотря на пробежавший по спине холодок.

***

Холодок... Нет, холод, раздирающий внутренности и парализующий каждую мышцу. Я открыл глаза, столкнувшись с темнотой, едва начавшей блекнуть. Часы показывали семь.

Было необычайно трудно поднести запястье к глазам – казалось, что с каждым движением из тела выходят остатки тепла. Костер превратился в кучку золы, и теперь я думал – лучше было бы провести ночь без сна, подбрасывая ветки в огонь, чем так мучиться сейчас.

Неизвестно, когда прекратился дождь, и теперь над городом висело густое туманное марево. И хорошо, ибо вид у меня не очень. Я улыбнулся этой мысли – стоит беспокоиться, как бы бдительные граждане не соотнесли мое лицо с ориентировкой, и совсем не о том, что дни ночевки в сомнительных местах дали о себе знать. Что дальше? Забрался на окраину – значит, получится и выбраться из города к чертовой матери? Но зачем и куда? Разве что подальше от немногочисленных знакомых. Я точно в розыске по всей стране, но в соседних городах, скорее всего, не повешали фотороботов, потому должно быть поспокойнее. Или же от себя не сбежать?

Какой-то подросток хамовато врзался в меня плечом на пешеходном переходе. Наверное, до жути не хочется в школу, сливаться с партой под взглядом учителя, или же плевать в потолок сорок пять минут, сверля глазами настенные часы. В свое время я ненавидел школу, но по другим причинам – не хотелось, но приходилось исполнять роль боксерской груши для всех желающих. Изо дня в день, каждое утро, я уныло плелся в «храм знаний», делая прогнозы – повезет отделаться синяками, или же мне снова светит травмпункт

с причиной вроде «упал с лестницы»?.. Учителя закрывали на все глаза – хоть я и был старательным учеником, особыми успехами не блистал, а встать на мою защиту означало учинить разборки с несколькими классами в полном составе. Лишняя головная боль, которой я и был для всех, только вот до сих пор не понял, почему.

Автобусы скользили сквозь туман, как призраки, тускло подсвечивая дорогу фарами. Я наскреб в кармане мелочи и опустил на изодранное сидение у окна. Заспанная девушка-студентка села рядом на следующей остановке, обдав густым шлейфом духов. Ее запах смешался с запахом дыма, пропитавшим всю мою одежду этой ночью, и смесь была поразительна в своей противоположности. Беззаботность и безысходность – новый аромат в коллекции жизни. Слышите нотки горечи? А легкий оттенок зависти? Представился лощеный продавец-консультант парфюмерного магазина, с неизменной улыбкой рекламирующий новинку, и от этого захотелось улыбнуться самому. Наманикюренные пальчики цокали по экрану смартфона, набирая сообщение.

«Опаздываю, отметишь?»

«Постараюсь. Давай резче, гримза уже пришла».

«Люблю тебя. С меня кофе».

«И я тебя».

Уголки ее губ довольно поползли вверх. Конечно, на экране горело адресованное ей алое сердечко. У них все так просто, будто бы между прочим. Сказать «люблю», получить то

же самое в ответ.

Отчего-то теперь я ясно видел похороны этой девушки. Лакированный гроб из роскошного дерева, белые одежды, которые были бы уместны и на свадьбе, цветы, вложенные в руки. Срезанные цветы живы лишь короткое время, и лишь условно, ибо, не получая питательных соков, уже начали увядать. Как и их обладательница. Она тоже кажется свежей и еще живой. Потому ее спешат спрятать под слой земли побыстрее, пока разложение не стерло иллюзию жизни с юных черт. Чтобы не видеть и не знать, во что смерть превратила тело, чтобы, приходя к могиле в определенные числа календаря, представлять ее такой, как в день похорон – мирно спящей в этой странной ритуальной кровати, но готовой вот-вот открыть глаза.

Я представлял дождливый день и черную, сгорбленную от скорби толпу вокруг, такую, что не протолкнуться поближе. Рыдающую мать, борящуюся с желанием поскорее закрыть гроб или даже подержать над ним зонт, чтобы ее малышка не промокла и не заболела, но в то же время понимающую – это последние капли дождя, которые когда-либо прикоснутся к телу дочери, будто слезы, сбегут вниз с неподвижных, бледных щек...

Интересно, найдется ли хоть один человек, который бы жалел о моей смерти? Сказал бы, что меня ему будет не хватать? Искренне, не для поддержания традиции. Хотя, какой, к черту, традиции – скорее всего, я буду похоронен без сви-

детелей, в безымянной могиле под номером, и, не будь я в розыске, процедура отличалась бы лишь табличкой с фамилией, вынужденным присутствием сестры и какого-нибудь делегата с работы. Я был лишним для всех, хотя до сих пор искренне не понимал, почему.

Я сошел через несколько остановок, с опозданием поняв, что автобус едет в центр. Незачем лишний раз искушать судьбу, тем более что сейчас, насквозь провонявший дымом, в забрызганных грязью брюках и ботинках, в измазанной кирпичной крошкой куртке я не слишком буду выделяться в спальном районе. Здесь можно сойти за местного в недельном запое, чем никого не удивишь, в отличие от ухоженных жителей престижных кварталов. Подумать только, а ведь недавно было наоборот. Но к чему вся эта философия в момент, когда нужно разобраться, как логичнее потратить последнюю сотню, обнаруженную случайно в потайном кармане. Доброго имени мне не вернуть, даже если меня чудесным образом оправдают. Да и было ли это имя вообще?

В небольшом универсаме я остановился у стеллажа с лапшой быстрого приготовления, ориентируясь на цены и уже ощущая тошнотворный вкус этой дряни. Тот факт, что у меня нет больше ни квартиры, ни розетки, ни чайника, всплыл в голове не сразу. Выругавшись сквозь зубы, я побрел к полке с плавлеными сырками. Один из них, со странным названием «Дружба», оказался на полу после моих неловких попыток достать самый дальний. Что есть дружба? В школе да-

же говорить со мной считалось зазорным. В институте я ничем не выделялся, но поневоле держался особняком. Люди не задерживались рядом надолго – что-то во мне отталкивало их. Может, моя настороженность, может, немногословность и неумение поддержать беседу. Никому не приходило в голову, что я могу быть интересным – а ведь интерес, как мне казалось, и есть основа дружбы.

Машинально я сунул сырок в карман брюк, и сделал два шага по направлению к хлебным полкам, после чего остановился, осознав ошибочное действие. Рука моя нащупала в кармане оберточную фольгу с прохладным прямоугольником внутри. А если не выкладывать его обратно? На выходе точно нет рамки, реагирующей на штрих-коды – магазин не того масштаба, чтобы так заботиться о безопасности. Если просто выйти, как ни в чем не бывало, и не мучиться больше от спазмов в желудке? Вспомнилось, как недавно бродил по гипермаркету с полной тележкой продуктов и краем глаза заметил подростков, заговорщически перешептывающихся и хихикающих. Я остановился в стороне, делая вид, что читаю состав на упаковке печенья. Конечно же, их заговор стал сразу понятен – тот, что помладше, стоял, боязливо озираясь по сторонам и закрывая спиной друга, который уже запихнул в поясную сумку пару сникерсов. Я посмеялся про себя конфетной воровской романтике, и думал, что забыл об этом случае. Как оказалось, нет.

Спустя пару минут помимо сырка в моих карманах ока-

зались банка шпрот – достаточно плоская, чтобы быть незаметной, шоколадный батончик и пакетик жареного арахиса. Сонная кассирша с чрезмерно налакированной челкой, пробила бутылку воды и бутербродную булку, почти не открывая глаз. Охранник даже не появился на входе – может, его там и вовсе не полагалось, а может, он просто мирно похрапывал в подсобке среди пустых банок из-под энергетиков и пива.

На улице уже ощутимо начинало сереть, хоть туман и не спешил рассеиваться. Меня отчего-то бросило в жар. Неужели все так просто? За мной нет никакой погони, никому и в голову не пришло вывернуть мои карманы на глазах у редких покупателей. Я свободен и на сегодня еды у меня достаточно, чтобы в голову не лезли мысли о бесславной голодной смерти. Все это напоминало страницы приключенческих романов, прочитанных мною в детстве, и какое-то новое, знакомое до сих пор ощущение заполняло меня изнутри, вырывалось в легкие, сладко щекотало в животе.

В заброшенном здании, расположенном посреди разросшегося парка, я решил остановиться и укрыться от глаз. Некогда здесь размещался магазинчик и кафе-мороженое, теперь же постройка пришла в запустение и выглядела, как декорация к фильму о чернобыльской аварии. На первом этаже стоял стойкий запах плесени и мочи, а пол был буквально устлан всевозможным мусором. Остов витрины с давно разбитыми стеклами превратился в подставку для длин-

ного ряда банок и бутылок разного калибра. В дальнем, самом темном углу, валялась груда тряпья, напоминающая лежанку бомжей. Задерживая дыхание от накатившего приступа тошноты, я поднялся по лестнице на второй этаж. Здесь обстановка была довольно сносной. Стены покрывали многочисленные «татуировки» в виде незамысловатых граффити с именами влюбленных пар, суицидальные стихи и пацифистские призывы вперемешку со свастиками. Похоже, тут находила пристанище самая разнообразная публика. Но, наверное, все они без исключения закидали бы меня камнями и бутылками, узнав, почему я оказался здесь.

На железной бочке покоилась массивная доска, служившая столешницей для местных гостей. Если убрать ее в сторону, внутри можно развести огонь и не замерзнуть ночью. Главное, чтобы предусмотрительные жильцы не надумали заявиться сюда на ночлег.

Я разложил на «столе» свои сокровища в ровный ряд, разглядывая их с восхищением. Раньше в моей абсолютно заурядной жизни не было совершенно ничего общего с теми книгами и их героями, но теперь все изменилось. Я преступник, хоть и не виновен, точнее, виновен, но лишь в своей нездоровой страсти. И даже она сейчас отошла на задний план, не вызывая привычных приступов самобичеваний. Передо мной лежал нехитрый обед, но именно эти продукты, ранее не вызвавшие бы ровным счетом никаких эмоций, теперь порождали бурю во мне. Что толку прятаться

по грязным подъездам, продлевая существование, отличающееся от прежнего только отсутствием бытового комфорта. Меня все равно поймают. Теперь эта мысль не сопровождалась всплеском паники, напротив – какая-то сумасшедшая, первобытная решимость взрывалась внутри, подхлестывая словно кнутом. Теперь все мосты в виде нажитых квартиры, машины и приличной работы, сожжены. Остался только я и весь мир с противоположной стороны баррикад. Так было всегда, но теперь оставшееся мне время на свободе можно превратить во вспышку, пожар, а не тление влажных поленьев. Можно все, и даже больше!

Я достал из кармана ключи и с силой пробил ими консервную банку. Каким же я был идиотом! Ведь даже на миг не мог представить, что мир принадлежит мне. Масло текло по рукам, мимо оторванного куска хлеба, но я улыбался, глядя в никуда. Как все, оказывается, просто...

***

– Я больше не лошадка, хватит! – В голосе девочки в джинсовой юбочке появилась нотка мольбы.

– Но, давай! Давай, лошадка! – Подружки смеялись, безучастно, словно не понимая, что значит усталость, так, если бы они были роботами, созданными в далекой секретной лаборатории. Ветер бросил в лицо одной из них мокрый лист, и та отшатнулась в сторону, утираясь рукавом.

– Карусель! – У девчонки в розовом спортивном костюме будто зажглась лампочка озарения в голове. С радост-

ным воплем она побежала вокруг остановившейся подруги, не выпуская леску, служившую уздечкой, из рук. Идея была поддержана моментально, без лишних разговоров. Вторая девочка с радостным визгом бросилась бежать по кругу. Одна за другой, петли обвивали горло Верочки.

***

Борясь с искушением в очередной раз оглядеться по сторонам, я всунул карточку в отверстие банкомата. Как бы доблестные полицейские ни старались, они придут сюда минимум спустя полчаса. Это не фильмы о торжестве справедливости. Если бы справедливость существовала в самом деле, меня бы никому не понадобилось искать. Банкомат зашуршал и заскрипел, выплюнув мне в руки карту и пачку купюр. Теперь – постараться не сорваться на бег. Прочь, спокойным шагом. Проваливаюсь в лужи – плевать. Не оборачиваться и не паниковать. И, по возможности, не налетать на прохожих – лишнее внимание ни к чему. А вот и автобус. Старенький агрегат, чихающий и издающий надсадное гудение, теперь тащил меня, и всех, кого угораздило втиснуться в его нутро, ближе к центру. Посты, оснащенные моей фотографией, скорее всего, стоят на выездах из города, и им вряд ли придет в голову, что я не собираюсь никуда уезжать.

На вещевом рынке ничего не изменилось с девяностых. Те же паленые бренды, те же лица приезжих продавцов, только уже во втором поколении. Можно было не спешить, и выбирать тщательно и требовательно – эти лица точно не

выступят в суде в качестве свидетелей. Однако я торопился. Наверное, вид мой мне самому был противен – конечно, несколько дней я не имел близких отношений с душем, и отросшая щетина щедро добавила мне несколько лет. И, видимо, алкогольного стажа, но, к счастью, узкоглазым хозяевам контейнеров было плевать. Главное, конечно, платежеспособность, и, стоило на это намекнуть, как продавцы, будто по щелчку пальцев, начинали вокруг меня обходительный хоровод.

Собрав покупки во внушительный пакет, я подошел к бомбиле, скучавшему у рыночных ворот около своей выдавшей вида «шестерки».

– Где можно остановиться на пару дней?

Меньше всего сейчас я походил на туриста, но в руках моих был явно не пустой кошелек, топорщившийся от мелких купюр, полученных мною на сдачу. Потому, прислушавшись к этому аргументу, таксист отвез меня к придорожному motelю, не задав не единого вопроса.

Толстая администраторша за стойкой, неизвестно с какими надеждами нанеся макияж, напоминающий больше боевой раскрас, внесла мою вымышленную фамилию в гостевую книгу, не спросив никаких документов. Спустя десять минут, занятых формальностями, я уже стоял под струями воды в душевой кабинке собственного номера, смутно подозревая, что нахожусь в раю. Только за какие такие заслуги? Может, белобородый мужчина подумал, мол, я достаточ-

но настрадался, и теперь имею полное право на блаженство? Жив я или мертв – мне, откровенно говоря, было плевать. Главное – больше не придется пахнуть лежанками бомжей, и, наконец, выпадет провести ночь не на бетоне и не на украденном коврикe – на самой настоящей кровати. Двухспальной, поскрипывающей состарившимся деревом, самой лучшей в мире кровати. Я боялся закрыть глаза – все казалось, что открою их в холоде чужого подъезда, ощущая пинки по ребрам и презрительные реплики жильцов. Боялся спугнуть эту радость, переполнявшую все мое естество, и не мог припомнить, когда в последний раз был так счастлив. Когда я в последний раз вообще был счастлив?..

Зеркало в ванной запотело, будто желало скрыть от меня мое же лицо, предупреждая, что к этому зрелищу надо подготовиться. Я провел ладонью по гладкой поверхности, и тут же понял всю суть предупреждения. На меня смотрел совершенно незнакомый человек. Щеки его осунулись, намеренно заостряя скулы и обросший щетиной подбородок. Глаза, некогда казавшиеся безразличными, теперь будто занимали большую часть лица, воспаленно сверкая из глубоких глазничных впадин. Что в них? Боль или тоска? Я подумал, что это лицо прекрасно вписалось бы в белизну больничной койки у окна палаты для умирающих. И что к его обладателю никто бы не пришел в предсмертный час, ведь он, по их мнению, не заслужил прощения. Единственной его радостью стало бы приоткрытое окно, голоса, слышные с ули-

цы, и редкие порывы ветра, приносящие запахи весны. Он должен был умереть весной, когда все вокруг возвращается к жизни. Иначе никак.

После бритья я стал похож на ошипанную еще при жизни курицу. Но не на маргинала городских окраин – и то хорошо. В закускойной на первом этаже ревели музыка, а за стеной слышался звон стаканов – дальнобойщики, составлявшие здесь основное число постояльцев, закатали банкет. Жизнь шла своим чередом и без моего участия. Никто из пропахших соляжкой и дешевым алкоголем мужчин, которые заселятся в этот номер спустя пару дней, и знать не будет, что здесь жил я. Даже когда меня поймают и прикончат где-нибудь в камере после суда, здешняя кровать будет скрипеть под чужими телами – спящего мертвецким сном шофера или вчерашнего зека, празднующего освобождение в компании проститутки. В мире этих людей я лишний. А разве было иначе?

Помню, как в детстве я заболел ангиной. Температура уже немного спала, и я мог встать из постели, держась за стену, пройти на кухню, и посмотреть, что там происходит. Главной моей целью было добраться до подоконника, и наблюдать за муравьиным шествием людей там, внизу, среди белого моря слитых воедино снежинок. Мама как раз доставала из духовки противень с печеными яблоками. Помню ее волосы, наскоро собранные в пучок, слегка растрепанные и почему-то уже начавшие сесть. Перчатку для горячего на

руке – в цветную клетку. Она сшила ее сама, когда я был совсем маленьким, и почему-то эта перчатка всегда ассоциировалась у меня с праздниками. Мама обернулась, услышав шаги. И просияла улыбкой. Не отругала, что я встал с постели, хотя еще положено лежать и лежать, а улыбнулась – так нежно и искренне, как, наверное, никогда.

– Ну что, герой идет на поправку?

Я смущенно кивнул. Что же тут геройского – валяться дома много дней, периодически выпадая из реальности в горячечный бред. Да и больное горло – не ранение на спецзадании. Иногда я мечтал о таком ранении – ведь тогда мама точно будет гордиться мной, и проведет долгие часы в моей палате, а не, как обычно, в заботах о младшей сестре.

– Хочешь яблочко?

Конечно, я хотел. И мысль, что мама запекла их специально для меня, ведь сестра всегда кривила губки при виде этого лакомства, заставила сердце встрепенуться, пропустив удар. Вот яблоко прямо передо мной – на моем любимом блюде с кораблями, большое и истекающее соком вперемешку с расплавленным сахаром. Такое красивое, что жалко было есть – хотелось сохранить навсегда, доставать из тайничка и любоваться, особенно в моменты, когда маме нет до меня дела. Но потом я испугался – а вдруг это всего лишь сон? Мое воображение, и так далее. Я впился зубами в горячую, сладкую мякоть, чтобы поскорее убедиться в обратном. А мама ласково взъерошила мои волосы ладонью.

Тогда я был нужным, не лишним и даже любимым. Не в школе, не во дворе, где я почти не появлялся, ведь часто болел. Все изменилось, когда маму убили.

Желудок заурчал, требуя пищи – не помню, чтобы сегодня мне приходилось есть. Придется спуститься вниз, в одно из сомнительных заведений, где неприятности можно получить раньше, чем обед.

Я, наконец, переоделся в обновки, и тут же понял, насколько нелепо буду выглядеть здесь. Чужаком, странным, белой вороной, в белой рубашке и черном костюме. Идеальные стрелки на брюках. Сверкающие ботинки. Я специально оделся как на праздник, наверное, потому что надеялся на него. В моей жизни хотя бы еще раз должен быть праздник. Хотя я, наверное, и не заслужил, но это упрямое, детское желание слишком настойчиво билось внутри.

Конечно, все пялились на меня, едва удерживаясь, чтобы не показывать пальцем. Пропахшие потом, сигаретным дымом и мазутом. Шатающиеся от выпитого алкоголя и потерявшие контроль над громкостью своих голосов. Хотя я тихо сел в самом дальнем углу кафе с традиционным названием «У Марины», какое-то время все внимание посетителей было сосредоточено исключительно на мне. Неслыханно. Обычно меня не замечали даже распространители рекламных листовок. Поначалу я по привычке прятал глаза, но потом подумал – а смысл? Теперь мне можно все, правда, на это все осталось не так много времени. И какой, спрашива-

ется, смысл тратить второй шанс точно так же, как первый? Потому я изо всех сил старался не отводить взгляда от мужчины напротив, смеющегося с набитым ртом, из которого свисало длинное щупальце корейской моркови. Получалось забавно – чтобы, наконец, начать жить полной жизнью, я не придумал ничего лучше, чем сразу же нарваться на неприятности. Но, к счастью, вскоре моя персона слилась с фоном, и здешние завсегдатаи вспомнили, ради чего здесь собрались. Значит, можно было выдохнуть и приняться за еду. Водянистое картофельное пюре и жесткая котлета показались невиданными деликатесами. А главное – настоящий кофе. Кофе я любил, и каждое утро, даже если безбожно опаздывал, находил время водрузить турку на плиту, наблюдая за закипанием сосредоточенно и умиротворенно. Добавить сливок и уставить в окно с улыбкой на лице, порой единственной за день. Здешний кофе, естественно, был порошковой бурдой, но все равно вызвал прямо-таки детский восторг. Конечно – за дни моих скитаний приходилось довольствоваться только дешевой минералкой, скорее всего, разлитой в магазине прямо из-под крана, и радоваться хотя бы тому, что не мучает жажда. Как, оказывается, мало нужно для счастья. Но это еще не счастье, нет. Я пока не знаю, как оно выглядит на самом деле, но должен найти его раньше, чем найдут меня. В этом и задача.

Существует ли шестое чувство? Если да, то как оно работает? По каким невидимым проводам человеку сообщает-

ся нечто важное? Подними, мол, голову, иначе быть беде. Я не мог услышать детский вскрик через двойное стекло, но посмотрел в окно будто по чьей-то команде. Девочка в ярко-розовой куртке лежала на земле, прямо в осенней вязкой грязи. Ее мать, похоже, даже не заметила падения, яростно доказывая что-то телефонному собеседнику. Пара секунд – и...

– Паскуда малолетняя, посмотри, что натворила!

Этот вопль, казалось, обрушит оконные рамы. Девочка молчала, когда мать, заломив ей руку, поднимала ее на ноги, молчала, когда на затылок обрушился удар. Зачем кричать, если никто не услышит?.. Обычно крики нуждающихся тонут в море праздных голосов.

***

Она тоже не кричала, уткнувшись носом в порыжевшую траву. Споткнулась и больше не встала. Подружки уже не смеялись. Они тянули концы лески в разные стороны. Спросить их – зачем, – уверен, лишь недоуменно пожали бы плечиками. Они затягивали удавку все туже, а я просто смотрел, не сдвинувшись с места ни на шаг, наблюдая сквозь сетку забора, будто за животными в зоопарке. За двумя животными и Верочкой.

***

А что теперь? Снова наблюдать за ужасом сквозь прозрачную преграду, привязанным к пустой тарелке, как собака на

цепи?

Второй шанс? Да, пожалуй. Это сейчас. Я сорвался с места, едва не перевернув стол с ободранной клеенчатой скатертью. Противно звякнула висящая на двери «музыка ветра». Улица окатила холодным ветром и шорохом колес по щебенке.

– ...будешь знать, сучка, как портить вещи!

Я уже открыл рот, чтобы остановить и помешать, но слова будто застряли в горле. Привычные сомнения и робость быстро свили вокруг меня непробиваемый кокон, в котором я честно пытался барахтаться. Что я скажу? Как это будет выглядеть? Вдруг она не слушает, а просто меня пошлет, как это обычно и бывает? И что тогда? Удалиться, поджав хвост? Руки сжимались в кулаки, но злоба была бессильной. А на кого злиться-то? Только на себя, упершегося ненавидящими глазами в существо, именуемое матерью. На секунду она затихла, поймав мой взгляд. В странном оцепенении я не сходил с места, продолжая смотреть и чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

– Пойдем, Наташа. – Женщина грубовато, но покровительственно толкнула дочь в спину, направляя в сторону входа в кафе и стараясь одновременно следить за моими действиями, как мне показалось, несколько испуганно. Испуганно? Что за бред. В жизни бы не поверил, что меня может кто-то бояться, но сейчас увиденное не оставляло сомнения. Голова поворачивалась с трудом, будто шея вдруг стала заржа-

вевшим за ненадобностью механизмом. Мое отражение в окне прояснило многое – неведомо как оказавшийся в этом Богом забытом месте офисный клерк с перекошенным от злости лицом, достойным роли маньяка в американском триллере, не мог не внушать опасений. Только спустя минуту ко мне вернулась способность двигаться, хоть тело все еще дрожало от отступающего напряжения. Что теперь? Мыслей не осталось. Казалось, что в мозг засунули невидимый ластик и основательно им поработали. Суперменом с первой попытки стать не получилось. Конечно – только и можешь, что стоять и смотреть. Как сейчас, так и тогда, сквозь рваную сетку забора детского сада.

***

Я любил Верочку не только из-за моей «странности». Мы часто гуляли с ней по лесу, пока сестра занималась очередными неотложными делами. Помню, как она шла по траве, осторожно, переступая каждый цветок, опасаясь задеть его или сломать. Как сосредоточенно, с видом ученого, наблюдала за передвижениями муравьев.

– Хорошо, что они живут вместе. Одному жить, наверное, грустно.

Я выпрямился, оторвавшись не столько от созерцания муравейника, сколько от Верочкиных косичек, в которых переливками играло солнце. Это намек, и она говорит обо мне? Странное чувство ударило в голову. Захотелось прижать ее тельце к себе, и говорить, пока поток слов не иссякнет. А

ПОТОМ ВПИТЬСЯ В ЕЕ ГУБЫ ЖАДНО И СИЛЬНО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.